

УДК 343

ОШИБКА СУБЪЕКТА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Колосовский В. В.

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

В настоящее время проблема нормативного закрепления понятия «ошибка субъекта применения норм уголовного права» назрела столь остро в силу того, что отсутствие дефиниции оказывает негативное влияние на отграничение ее от иного негативного поведения субъекта применения уголовно-правовых норм. В ученом мире отсутствует единый взгляд как на признаки, способствующие правильному формированию дефиниции «ошибка», так и на пути к более ясному пониманию правовой природы этого весьма противоречивого правового явления. Отсутствие легального нормативного толкования понятия ошибок предоставляет возможность специальным субъектам, имеющим специальные полномочия по привлечению судей, а также других правоприменителей к дисциплинарной ответственности достаточно вольно трактовать значение ошибок, и, как следствие, это негативно отражается на процедуре привлечения их к ответственности. Непреодолимой преградой становятся расхождения в понимании сути и значения рассматриваемых ошибок.

Сущностное значение ошибок может отражать либо истинное понимание рассматриваемого правового явления, либо вольное наполнение содержания понятия ошибки чуждым этому явлению значением, что в конечном счете влечет существенное нарушение прав и свобод лиц в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: квалификационная ошибка, заблуждение, неведение, ошибка субъекта правоприменения.

Существующая в нашей стране многоступенчатая судебная система – ответ законодателей на возможное появление ошибок в деятельности суда, которые в уголовной юстиции связаны с применением норм как материального, так и процессуального права. Апелляционная, кассационная и надзорные судебные инстанции призваны выявлять и устранять квалификационные ошибки, если они были допущены нижестоящими судами. Поэтому с полным основанием можно говорить о том, что появление ошибок в судебной практике «предусмотрено» российским законодательством (мировая практика строительства судебной системы зарубежных государств развивается не одно столетие в том же направлении). В свою очередь, процессуальной формой предусмотрена обязанность судей (судов) реагировать на ошибки, допускаемые органами предварительного расследования.

В настоящее время больших нареканий заслуживает правоприменительная деятельность органов предварительного расследования в силу того, что «для многих наших следователей уголовно-процессуальное законодательство, нормы материального права – это космос» [8]. Столь низкой оценки со стороны генерального прокурора РФ результатов правоприменительной деятельности следственных органов заслужили в силу значительного снижения в течение последних двадцати лет профессионального уровня, что неизменно выразилось в

квалификационных ошибках, допускаемых как следователями, так и в дублировании негативных результатов такой деятельности судьями.

Укоренившееся в деятельности квалификаторов негативное явление пагубным образом сказывается на всех областях жизнедеятельности нашего общества. В этой связи возникает вполне уместный вопрос: всегда ли неправильная уголовно-правовая оценка поведения того или иного лица является ошибкой следователя или судьи? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, необходимо обратиться к понятию «ошибка субъекта применения норм уголовного права».

К проблеме ошибки ученые-криминалисты обращались не единожды. Исследование данного правового феномена велось в прошлые годы на протяжении более чем столетия и продолжает вестись в настоящее время. Накоплен значительный научный материал, однако проблема не решена и остается острой, поскольку различия во взглядах на нее позволяют достаточно широко трактовать рассматриваемое понятие. В понимании одних авторов ошибка – заблуждение лица о некоторых обстоятельствах его поведенческого акта и его правовой оценки [6, с. 495]. Другие полагают, что ошибка – правонарушение [21, с. 15–16; 11, с. 53; 12, с. 15–32; 24, с. 11]; иные трактуют ее в качестве такого поведения, которое не позволяет достигнуть назначения уголовного судопроизводства [22, с. 19]. Следующие в ней видят негативный результат, который не позволяет достигнуть целей, реализовать законные интересы, препятствует правам и свободам индивидуума [18, с. 36; 7, с. 39; 14, с. 11; 15, с. 11; 20, с. 370; 28; 13, с. 11]. Можно встретить работы авторов, в которых мнения немногим отличаются от тех, что здесь были приведены.

Нужно признать, что все приведенные, а также возможные признаки, на основании которых предлагаются дефиниции ошибок, в том числе и уголовно-правовых ошибок, представляют собой материал, который, без сомнения, обладает определенной научной ценностью. В то же время, опираясь на имеющиеся в литературе дефиниции анализируемого правового явления, все же следует отметить, что в них отсутствует должная ясность относительно того, какое значение для теории и практики имеют ошибки субъектов правоприменения.

Возможно, такие результаты в исследовании понятия ошибок появились в силу того, что знания об этом правовом явлении представляют собой незавершенную схему, ввиду значительной пробельности в их содержании, в основном в силу своей недостаточной разработанности и наличия множества противоречий, содержащихся в научных результатах. Ученые-криминалисты, рассматривая проблемы ошибок, не акцентируют внимание на том, что самостоятельное значение (наряду с субъективными ошибками) имеют ошибки субъектов применения уголовно-правовых норм.

В общественном сознании качественные характеристики правоприменительной деятельности во многом формировались в зависимости от принятых в обществе норм поведения и восприятия им правовой действительности, как следствие этого понятие ошибки квалификаторов оказалось трудноуловимым явлением в обществе, которому приписывался любой негативный результат в правоприменительной деятельности. Представления об ошибках возникло в правовом поле как последствие отражения в сознании ученых и практиков негативного результата, образующего весьма широкое понятие: и как оценка, и как качество деятельности

субъектов правоприменения. Возможно отдельные исследователи воспринимают понятие ошибки настолько широко, что становится сложно четко обособить его содержательную сторону.

Смысловая нагрузка термина «ошибка» весьма разнообразна. Вместе с тем от содержания, которое придается данному термину, во многом зависит формирование не только отношения к субъектам правоприменения, но и в целом качество построения правоприменительной практики. Поэтому сущностное значение ошибок может отражать либо истинное понимание рассматриваемого правового явления, либо вольное наполнение содержания понятия ошибки чуждым этому явлению значением, имеющим негативное свойство, влекущее существенное нарушение прав и свобод лиц в уголовном судопроизводстве, в том числе и правоприменителей.

Отмеченное здесь обстоятельство наглядно можно проследить на примере решений Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении от 21 января 2001 г. Конституционный Суд РФ оценил значение судебных ошибок для практики [2]. Сопоставляя зависимость осуществления правосудия от судебской дискреции, высокий суд указал, что сложно отделить виновное поведение судьи, основанное на умысле, от неосторожной формы его вины. В связи с этим заинтересованные в определенном решении суда лица склонны полагать, что постановленное, измененное или отмененное решение не отвечает требованиям закона. Без сомнения, можно полагать, что в данном случае находит свое выражение острота отражения в определении сущностного содержания рассматриваемого правового явления.

Не добавляют ясности в понимании сущности ошибок правоприменителей и некоторые научные публикации. Так, отдельные авторы наряду со следственными ошибками, допущенными ими неосознанно, непреднамеренно в силу недостаточности знаний, опыта, выделяют умышленные ошибки, пренебрегая тем самым природой этого правового явления, уравнивая, по сути, с преступными посягательствами в случае умышленного их происхождения, и при этом не обосновывают свои выводы [22, с. 23, 127; 12, с. 6].

Отсутствие легального нормативного толкования понятия ошибок предоставляет возможность участникам уголовного судопроизводства, а также субъектам, имеющим специальные полномочия по привлечению судей к дисциплинарной ответственности (и не только судей, но и других правоприменителей), достаточно вольно трактовать значение ошибок, и как следствие это негативно отражается на процедуре привлечения их к ответственности. Непреодолимой преградой становятся расхождения в понимании сути и значения рассматриваемых ошибок.

Отсутствие однозначности в толковании рассматриваемого понятия явилось поводом для переноса спора о значении ошибок в судебное заседание Конституционного Суда РФ [1]. В то же время появление на свет решения Конституционного Суда РФ не может в будущем предотвратить споры об ошибках, ибо не разрешена проблема о нормативных свойствах ошибок субъектов применения норм уголовного права.

Проблема определения понятия «ошибка» далеко выходит за рамки уголовного права. Данная проблема имеет общеправовое значение, на что указывают результаты научных исследований [19, с. 370].

Однако обращает на себя внимание и то обстоятельство, что отдельные авторы в отсутствие общепризнанной дефиниции «ошибка», а также ее законодательного определения, не прибегая к собственному исследованию понятийного аппарата, не используя опыт других ученых, исследовавших данное понятие, пытаются анализировать правоприменительные ошибки [4; 26; 32], наделяя их таким содержанием и признаками, не все из которых присущи данному правовому явлению.

Другие авторы без использования понятийного аппарата пытаются вскрыть причины возникновения ошибок на практике, предлагают, на их взгляд, эффективные средства «устранения судебных (следственных) ошибок» [16].

Представляется, что довольно сложно раскрыть какой-либо вопрос о рассматриваемом явлении без определения правового значения ошибок.

Уголовный закон России не содержит указание на ошибки. В российском законодательстве такое упоминание можно встретить в ст. 178 ГК РФ, положения которого содержат указание на заблуждение – вид ошибки. Однако российскому гражданскому законодательству неизвестно определение понятия «ошибка». Попытку компенсировать этот недостаток делали ученые-цивилисты. Вместе с тем дефиниции, представленные отдельными учеными-цивиристами, не столько раскрывают понятие «ошибки», сколько отдалают решение проблемы, которая возникла в связи с определением данного понятия [23, с. 199]. Понятия заблуждения и ошибки находятся в соотношении вида и рода. Однако ученые раскрывают понятие заблуждение, используя в нем понятие ошибки, что не совсем благотворно сказывается на структурном построении дефиниции «заблуждение». Что касается дефиниции «ошибка», то определение понятия «ошибка» имеет более сложную структуру и набор образующих ее признаков. В качестве одного из своих структурных признаков определение понятия «ошибка» предусматривает непреднамеренное заблуждение, что характеризует его как родовое понятие.

В зарубежных законодательных актах можно встретить нормативное закрепление ошибок. Этому способствует то обстоятельство, что отдельные правовые нормы содержат положения, в которых имеются указания на ошибку либо на один из видов ошибок – заблуждение или неведение, а в отдельных случаях на оба этих вида ошибок.

Так, например, Уголовный закон Латвии не содержит норм, которые регулировали бы отношения, связанные с уголовно-правовой ошибкой [29]. В то же время часть 4 ст. 1891 Гражданского закона Латвийской Республики содержит положение, в котором имеется указание на вид правовой ошибки – заблуждение [9].

Нормативное закрепление субъективная ошибка получила в нескольких статьях немецкого, австрийского, швейцарского, испанского уголовного законодательства. Названные законодательные акты содержат указание на ошибки в запрете и ошибки в фактически обстоятельствах деяния, а также на непреодолимую ошибку, что по своему правовому значению не отличается от первых двух обстоятельств.

В ст. 14 УК Испании законодатель ввел понятие непреодолимой ошибки относительно действия, а также понятие непреодолимой ошибки относительно противоправности деяния, составляющего уголовное правонарушение, наличие одного из указанных обстоятельств исключает уголовную ответственность лица [30, с. 15].

Немецкое уголовное законодательство прошло значительно больший путь, поскольку нормативное значение ошибки получило свое закрепление как в Общей части, так и в Особенной части УК ФРГ. Это один из немногих законодательных актов, в котором имеет широкое внедрение в уголовный закон правовое значение ошибки. §§ 16 и 17 УК ФРГ [31, с. 251], как, впрочем, и ст. 19 и ст. 20 УК Швейцарии, посвящены ошибкам в фактических обстоятельствах и ошибкам в запрете, под которыми подразумеваются заблуждения, могущие быть поставленными субъекту в упрек. Несмотря на столь частое употребление в рассматриваемых уголовных законах понятия «ошибка», в них отсутствует ее определение.

Исследование зарубежного и российского уголовного законодательства на предмет нормативного закрепления ошибки показывает, что в структуре этих законодательных актов наблюдается два подхода. В первом случае законодатели используют путь нормативного закрепления ошибки в структуре уголовного закона своей страны. Воплощают такой подход, к примеру, следующие уголовные законы: ФРГ, Швейцарии, Испании, Франции, Швеции, Болгарии, Венгрии, Индии. Другой подход демонстрируют законодатели, которые не пришли к тому, чтобы нормативно закрепить ошибки в структуре уголовного закона. К последним относится уголовное законодательство нашей страны, а также, к примеру, УК Бельгии, Латвии, Казахстана. Однако и в том, и в другом случае уголовные законы не имеют в своей структуре нормы, которая была бы посвящена определению понятия «ошибка», что предоставляет широкую возможность различного толкования обстоятельств, связанных с ошибками в уголовном праве.

В исследованиях уголовно-правового характера можно встретить дефиницию «ошибка» [3, с. 6], в которой ведущее звено занимает заблуждение относительно норм уголовного права. Исследования ошибок не ограничиваются одной отраслью права, к примеру, такое исследование проведено в рамках административного права, где автор, представляя свое видение определения ошибки [5, с. 10], указывает, что она – негативный результат, обусловленный заблуждением.

Трудно не заметить, что одну из доминирующих ролей в представленных авторами дефинициях ошибок занимает понятие «заблуждение», тем самым можно констатировать, что ошибки определялись через понятие «заблуждение». Однако такие представления не всегда были в умах ученых-криминалистов. Н. С. Таганцев в своих научных взглядах придерживался мнения, в соответствии с которым в понятии «ошибка» лица, имеющие уголовно-правовое значение, им выделялись два понятия – неведение и заблуждение, которые имели равное значение при определении рассматриваемого правового явления [27, с. 232].

В характеристике ошибки наряду с заблуждением заметное место принадлежит неведению. Ошибки – это всегда неправильность в восприятии субъектом правовой действительности, формализовать значение которой призваны заблуждение или неведение, а чаще всего и то, и другое одновременно, поскольку они оказывают влияние на результат его поведенческого акта. Именно оба эти признака в структуре понятийного аппарата определения ошибок помогут более точно указать на возможное неверное восприятие субъектом правовой действительности. Вот почему в высказываемых мнениях исследователей, которые можно встретить в литературе, указание лишь только на заблуждение при определении рассматриваемого понятия

представляют собой незавершенную модель вырабатываемой в науке дефиниции ошибки. В этой связи уместным будет обратить внимание на определение понятия «ошибка в противоправности», которое предложил С. Е. Данилюк [10, с. 12]. Как видно из дефиниции, предложенной данным исследователем, в ней уделено внимание таким основным признакам ошибок, как заблуждение и неведение.

Ряд ученых также полагает, что ошибка (ошибки) – неправильное преставление субъекта «относительно общественной опасности совершаемого им деяния» [17, с. 16] либо его заблуждение «относительно объективных свойств общественно опасного деяния» [33, с. 67] или иной результат мыслительного процесса. Однако уголовно-правовое значение имеют не представления или мыслительный процесс субъекта, а его поведенческий акт, который был реализован на основе неправильных (ложных) представлений субъекта. Именно результат поведенческого акта субъекта является основанием полагать, что лицо, совершив поведенческий акт, руководствовалось «неправильными представлениями», «заблуждениями» или иным ложным пониманием правовой действительности, поскольку вне поведенческого акта мыслительный процесс субъекта какого-либо правового значения не имеет [18, с. 36].

В литературе можно встретить и иное толкование ошибок, в определении понятия которых авторы указывают на негативный результат поведения субъекта [25, с. 31], основанного на его заблуждении.

Если деятельность человека представляет собой поведение, а ошибка детерминируют результаты его деятельности, то ошибку, имеющую уголовно-правовое значение, можно представить как негативный результат поведения человека. Поэтому следующим признаком, который должен быть отображен в дефиниции ошибки субъекта применения уголовно-правовых норм – результат поведенческого акта субъекта, построенный на основе его мыслительной деятельности в оценке правовой действительности. Это касается как оценки поведения лица, совершившего деяние, имеющее уголовно-правовое значение (преступление или деяние, отнесенное законом к обстоятельствам, исключающим преступность деяния), так и деятельности специального субъекта, применяющего уголовно-правовые нормы. Поведение каждого из названных субъектов интересует нас постольку, поскольку оно является результатом мыслительного процесса, который зависит во многом от того, каким уровнем правосознания каждый из них обладает. При этом правосознание субъекта не может исключать наличие в той или иной степени правового нигилизма, в том числе и в профессиональном правовом сознании. Ошибка квалификатора в уголовном праве сама по себе в отрыве от поведения субъекта юридического значения не имеет, поскольку она может быть измерима и выражена только в результатах поведения этого субъекта.

В качестве самостоятельного признака ошибки необходимо рассматривать отступление субъекта от правил во время совершения им поведенческого акта. Поведение субъекта подчинено определенным правилам. Каждый обязан, например, соблюдать нормы уголовного закона. Иногда эти правила находятся на стыке юридических и моральных норм поведения. К примеру, в настоящее время не является законодательно утвержденной нормой поведения обязательное знание законов своей страны, однако руководствуясь моральными нормами каждый (вне зависимости от наличия или отсутствия гражданства страны проживания) должен

стремиться к изучению и знанию законов этой страны. Профессиональная обязанность каждого субъекта правоприменения состоит в том, чтобы повышать свои профессиональные знания, а в своей повседневной деятельности руководствоваться определенными правилами, к примеру, нормами уголовного и уголовно-процессуального законов. Однако правовыми ошибками являются лишь те, которые есть отступление от юридических правил поведения.

Легализация ошибки в правовой действительности является следующим значимым признаком любой ошибки субъекта применения норм уголовного права. В уголовной юстиции в качестве ошибки может быть признан лишь тот негативный результат поведения субъекта, который в установленном законом порядке нашел свое признание, т. е. был в соответствии с необходимой процедурой признан в качестве ошибки. Не признанный в установленном порядке негативный результат может являться латентной ошибкой в уголовном праве. Легитимировать рассматриваемый результат и придать ему свойства ошибки правоприменителя может только соответствующее должностное лицо (например, судья) при соблюдении уголовно-процессуальных норм.

Итак, ошибка субъекта применения норм уголовного права – негативный результат действий правоприменителя, отраженный в нормативном акте, затрагивающий и (или) нарушающий права и законные интересы лиц, а также интересы общества и государства, заинтересованных в правильности применения уголовно-правовых норм, основанный на его заблуждении и (или) неведении, который выявлен правоприменителем (правоприменителями), обладающим полномочиями на выявление и устранение ошибок.

Не каждый негативный результат поведения квалификатора может быть признан в качестве ошибки в уголовно-правовой оценке преступлений, а лишь тот, который обладает указанными признаками. В случае допущения ошибок субъектами применения норм уголовного права их выявление и реагирование на них со стороны компетентных должностных лиц (следователей, прокуроров, судей), а в необходимых случаях и устранение ошибок производится на основании процессуальной формы, обличенной законодательным содержанием.

Каждый случай легализации ошибки требует реагирования на нее субъектов правоприменения. Ошибки субъектов правоприменения должны быть выявлены и устранены, а негативные последствия, к которым привели эти ошибки, следует по крайней мере минимизировать, если их полное устранение невозможно. Не все такие последствия могут быть устранены либо минимизированы, однако появление законодательно закрепленной дефиниции «ошибка субъекта применения уголовно-правовых норм» может в значительной мере этому способствовать. Она наглядно будет демонстрировать, что следует или не следует относить к ошибкам субъектов применения норм уголовного права.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального Закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г. Н. Белкосовой, Г. И. Зиминой, Х. Б. Саркитова, С. В. Семак и А. А. Филатовой» // Справочная правовая системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // Справочная правовая системы «КонсультантПлюс». 2011.
3. Алиев З. Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления, и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 18 с.
4. Арутюнов А. Ошибки при квалификации содеянного группой лиц по предварительном сговору // Российская юстиция. 2001. № 9 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». 2012.
5. Бочарникова Н. А. Административная ошибка: правовое содержание, значение и основные направления преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2012. – 22 с.
6. Волженкин Б. В. Ошибка и ее уголовно-правовое значение // Уголовное право России: Общая часть: учебник / Под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – СПб., 2006. URL: <https://jurisprudence.club/ugolovnoe-pravo-uchebnik/oshibka-ugolovno-pravovoe.html>
7. Вопленко Н. Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Сов. государство и право. – 1981. – № 4. С. 38–46.
8. Генеральный прокурор считает, что «российские следователи деградируют». Expert. Online. 2018. Available at: <http://expert.ru/2018/02/21/genprokuror-rf-schitaet-cto-rossijskie-sledovатели-degradiruyut>.
9. Гражданский закон Латвийской Республики. Четвертая часть. Обязательственное право. – Рига, 2010.
10. Данилюк С. Е. Ошибка в противоправности преступного деяния и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. – 25 с.
11. Жилин Г.А. Целевые установку гражданского судопроизводства и проблема судебной ошибки // Государство и право. 2000. № 3. – С. 78–92.
12. Зайцев И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. – Саратов, 1985. – 133 с.
13. Казгериева Э. В. Понятие правоприменительной ошибки // Адвокатская практика. – 2006. – № 4. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/16975-ponyatie-pravoprimeritelnoj-oshibki>
14. Карташов В. Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики): учеб. пособие. Ярославль, 1992. – 193 с.
15. Карташова Н. В., Торопов А. А. Понятие ошибки в профессиональной юридической деятельности // Актуальные проблемы правоождения: Сборник тезисов научной конференции студентов, аспирантов и соискателей юридического факультета. ЯрГУ. Ярославль, 1997.
16. Карякин Е. А. Феномен «судебной ошибки» в уголовно-процессуальной деятельности суда // Российская юстиция. – 2011. – № 2. – Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
17. Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. – 94 с.
18. Кливер И. Я. Понятие и виды уголовно-правовых судебных ошибок в квалификации преступлений // Вестник Московского университета. 1979. Сер.11. Право.
19. Лисюткин А.Б. Ошибка как категория правоождения. Саратов, 2002. – 120 с.
20. Лисюткин А.Б. Ошибка как категория правоождения: теоретико-методологический аспект: дис. ... док. юрид. наук. – Саратов, 2002.
21. Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки, проблемы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000.
22. Назаров А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. – СПб., 2003.
23. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, частям первой, второй, третьей / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Ю. Кабалкина, А. Г. Лисицына-Светланова; Ин-т государства и права РАН. – М., 2008.

24. Пучковская М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. – Красноярск, 2003. – 25 с.
25. Сабитов Р. А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. – М., 2003. – 139 с.
26. Сафуанов Ф. С. Ошибки при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической и судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология. 2007. № 2 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
27. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. – М., 1994.
28. Терехова Л. А. Характеристика судебной ошибки // Справочная правовая система «КонсультантПлюс», 2011.
29. Уголовный закон. – Рига, 2010.
30. Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предис. докторов юридических наук, профессоров Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. – М., 1998.
31. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / науч. ред. и вст. статья докт. юрид. наук, профессора Д. А. Шестакова; предисловие доктора права Г.-Г. Йешека; перевод с немецкого Н. С. Рачковой. – СПб., 2003.
32. Чащина Л. Ошибки квалификации при рассмотрении дел о мошенничестве // Российская юстиция. 1998. № 10 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» 2012.
33. Якушин В. А. Ошибка и ее влияние на вину и ответственность по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Якушин. – Казань, 1985. – 25 с.

Kolosovski. V. Error of subject of application of norms of criminal law // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2018. – Т. 4 (70). № 1. – P. 108–117.

At present, the problem of normative fixing of the concept of "error of the subject of application of the norms of criminal law" has become so acute due to the fact that the absence of a definition has a negative impact on its delineation from other negative behavior of the subject of application of criminal law norms. In the academic world there is no single view as signs that contribute to the correct formation of the definition of "error", and on the way to a more clear understanding of the legal nature of this very contradictory legal phenomenon. The absence of a legal normative interpretation of the concept of errors provides an opportunity for special subjects with special powers to recruit judges, as well as other law enforcement officials, to fairly interpret the meaning of errors, and as a result that negatively affects the procedure for bringing them to justice. An insurmountable obstacle is the divergence in the understanding of the essence and significance of the errors considered.

The intrinsic significance of errors can reflect either a true understanding of the legal phenomenon under consideration or a free filling of the content of the concept of error with an alien meaning that ultimately entails a significant violation of the rights and freedoms of individuals in criminal proceedings.

Keywords: qualification error, error, ignorance, error of the subject of law enforcement.

Spisok literaturyi:

1. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 28 fevralya 2008 g. N 3-P «Po delu o proverki konstitutsionnosti ryada polozheniy statey 6.1 i 12.1 Zakona Rossiyskoy Federatsii «O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii» i statey 21, 22 i 26 Federalnogo Zakona «Ob organah sudeyskogo soobshchestva v Rossiyskoy Federatsii» v svyazi s zhalobami grazhdan G. N. Belyusovoy, G. I. Ziminoy, H. B. Sarkitova, S. V. Semak i A. A. Filatovoy» // Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus».
2. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 25 yanvarya 2001 g. # 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya punkta 2 statii 1070 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan I. V. Bogdanova, A. B. Zernova, S. I. Kalyanova i N. V. Truhanova» // Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus». 2011.
3. Aliev Z. G. Oshibka kak osoboe obstoyatelstvo otsenki povedeniya sub'ekta prestupleniya, i ee ugolovno-pravovoe znachenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2007.
4. Arutyunov A. Oshibki pri kvalifikatsii sodeyannogo gruppy lits po predvaritelnomu sgovoru // Rossiyskaya yustitsiya. 2001. № 9 // Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus». 2012.

5. Bocharnikova N. A. Administrativnaya oshibka: pravovoe sodержanie, znachenie i osnovnyie napravleniya preodoleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Voronezh, 2012.
6. Volzhenkin B. V. Oshibka i ee ugovolno-pravovoe znachenie // Ugolovnoe pravo Rossii: Obschaya chast: uchebnik / Pod red. N. M. Kropacheva, B. V. Volzhenkina, V. V. Orehova. – SPb., 2006.
7. Voplenko N. N. Oshibki v pravoprimenenii: ponyatie i vidyi // Sov. gosudarstvo i pravo. – 1981. – # 4.
8. Generalnyiy prokuror schitaet, chto «rossiyskie sledovateli degradiruyut». Expert. Online. 2018. Available at: <http://expert.ru/2018/02/21/genprokuror-rf-schitaet-cto-rossijskie-sledovateli-degradiruyut>.
9. Grazhdanskiy zakon Latviyskoy Respubliki. Chetvertaya chast. Obyazatelstvennoe pravo. – Riga, 2010.
10. Danilyuk S. E. Oshibka v protivopravnosti prestupnogo deyaniya i ee ugovolno-pravovoe znachenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1990.
11. Zhilin G.A. Tselevyye ustanovku grazhdanskogo sudoproizvodstva i problema sudebnoy oshibki // Gosudarstvo i pravo. 2000. # 3.
12. Zaytsev I. M. Ustranenie sudebnykh oshibok v grazhdanskom protsesse. – Saratov, 1985.
13. Kazgerieva E. V. Ponyatie pravoprimeritelnoy oshibki // Advokatskaya praktika. – 2006. – # 4.
14. Kartashov V. N. Professionalnaya yuridicheskaya deyatelnost (voprosyi teorii i praktiki): ucheb. posobie. Yaroslavl, 1992.
15. Kartashova N. V., Toropov A. A. Ponyatie oshibki v professionalnoy yuridicheskoy deyatelnosti // Aktualnyie problemy pravovedeniya: Sbornik tezisov nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i soiskateley yuridicheskogo fakulteta. YarGU. Yaroslavl, 1997.
16. Karyakin E. A. Fenomen «sudebnoy oshibki» v ugovolno-protsessualnoy deyatelnosti suda // Rossiyskaya yustitsiya. – 2011. – # 2. – Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus».
17. Kirichenko V. F. Znachenie oshibki po sovetskomu ugovolnomu pravu. M., 1952.
18. Kliver I. Ya. Ponyatie i vidyi ugovolno-pravovykh sudebnykh oshibok v kvalifikatsii prestupleniy // Vestnik Moskovskogo universiteta. 1979. Ser.11. Pravo.
19. Lisyutkin A.B. Oshibka kak kategoriya pravovedeniya. Saratov, 2002.
20. Lisyutkin A.B. Oshibka kak kategoriya pravovedeniya: teoretiko-metodologicheskii aspekt: dis. ... dok. yurid. nauk. – Saratov, 2002.
21. Mursalimov K.R. Pravoprimeritelnyie oshibki, problemy teorii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – N. Novgorod, 2000.
22. Nazarov A. D. Vliyaniye sledstvennykh oshibok na oshibki suda. SPb., 2003.
23. Postateynyy kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chastyam pervoy, vtoroy, tretoy / pod red. T. E. Abovoy, M. M. Boguslavskogo, A. Yu. Kabalkina, A. G. Lisitsyina-Svetlanova; In-t gosudarstva i prava RAN. M., 2008.
24. Puchkovskaya M. E. Ispravlenie sudom sledstvennykh oshibok na stadii predvaritelnogo rassledovaniya i pri proizvodstve v sude pervoy instantsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. Krasnoyarsk, 2003.
25. Sabitov R. A. Teoriya i praktika kvalifikatsii ugovolno-pravovykh deyaniy: ucheb. posobie. M., 2003.
26. Safuanov F. S. Oshibki pri naznachenii kompleksnoy sudebnoy psihologo-psihiatricheskoy i sudebno-psihologicheskoy ekspertizy // Yuridicheskaya psihologiya. 2007. # 2 // Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus».
27. Tagantsev N. S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsii. Chast obschaya. V 2 t.T. 1. M., 1994.
28. Terehova L. A. Harakteristika sudebnoy oshibki // Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus», 2011
29. Ugolovnyiy zakon. Riga, 2010.
30. Ugolovnyiy kodeks Ispanii / pod red. i s predis. doktorov yuridicheskikh nauk, professorov N. F. Kuznetsovoy i F. M. Reshetnikova. – M., 1998.
31. Ugolovnyiy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya / Nauch. red. i vst. statya dokt. yurid. nauk, professora D. A. Shestakova; predislovie doktora prava G.-G. Yesheka; perevod s nemetskogo N. S. Rachkovoy. – SPb., 2003.
32. Chaschina L. Oshibki kvalifikatsii pri rassmotrenii del o moshennichestve // Rossiyskaya yustitsiya. 1998. # 10 // Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus» 2012.
33. Yakushin V. A. Oshibka i ee vliyaniye na vinu i otvetstvennost po sovetskomu ugovolnomu pravu: dis. ... kand. yurid. nauk / V. A. Yakushin. – Kazan, 1985.